

DOI 10.22455/2541-8297-2018-10-236-252
УДК 801.61, 821.161.1

**Лирическая автобиография:
Анализ Андреем Белым собственных стихов
по кривой Баранова-Рема**

© 2018, Д.О. Торшилов

Аннотация: Лирика русского символизма изначально тяготеет к рефлексивности, которая заключается не только в распространенности философской лирики и в выборе предшественников, но и в понимании поэтического переживания как своего рода познавательного опыта, а также в процессе специфической сортировки и циклизации, а затем объединения циклов в целое рефлексивной лирической автобиографии. Исследуя лирику как форму мышления, Андрей Белый приходит к своей концепции «ритмического жеста» и к практике вычисления «ритмической кривой», которые строит не только для отдельных произведений, но и для целых лирических биографий, включая собственную. Тем не менее построенные Белым ритмические кривые собственных стихотворений ранее не публиковались. Возможно, именно в процессе разбора собственных стихов Белый в середине 1920-х гг. наткнулся на свой будущий аналитический метод «средней линии».

Ключевые слова: русский символизм, медитативная лирика, ритмика, Андрей Белый, кривая Баранова-Рема

Информация об авторе: Дмитрий Олегович Торшилов, к.ф.н., Российский государственный гуманитарный университет, Институт языкознания РАН, Москва, Россия. E-mail: dmitry.torshilov@gmail.com

Цитирование: *Торшилов Д.О.* Лирическая автобиография: Анализ Андреем Белым собственных стихов по кривой Баранова-Рема // Литературный факт. 2018. № 10. С. 236–252.

Лирика, род литературы, который обычно представляют наиболее далеким от рационального и дискурсивного, в эпоху русского символизма не только становится ведущим жанром, но и тяготеет к тому, чтобы стать жанром рефлексивным. Это нисколько не противоречит иррациональному культу неповторимого мгновения, которое должна выражать лирика, и даже прямо вытекает из него. Речь не только о том, что медитативная, философская лирика становится более распространена (особенно у декадентов — З.Н. Гиппиус, Н.М. Минского, А.М. Добролюбова, И.И. Коневского) и что из предшественников, классиков русской поэзии XIX в., поколение символистов выдвигает на первый план тех, кто более склонен к медитативной лирике (Ф.И. Тютчева и Е.А. Боратынского¹, которые для Белого-литературоведа всегда являлись предпочтительными объектами анализа после Пушкина²). Помимо этого, в пределе *любая* лирика начинает рассматриваться как медитативная, как выражение некоего процесса, который нельзя считать чисто эмоциональным. Яркий пример этого — творчество и некоторые декларации И.И. Коневского с их характерным единством устремления к лирическому переживанию мига и к энциклопедизму:

Мои мысли о вмещении всего частного, что было и что есть в жизни личности, в одном миге (преодоление времени вдоль) и перевоплощении личности во всё окружающее (преодоление времени поперек) <...>³.

Мгновение, пишет Коневской, должно стать чем-то вроде энциклопедии, и это долженствование — предмет теоретизирования. Именно тогда, когда поэт описывает переживание мгновения, он уже рефлексивен над ним. Из предисловия Брюсова к сборнику Н.Г. Львовой:

¹ См., например: *Гудзий Н.К.* Тютчев в поэтической культуре русского символизма // *Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР*. Т. 3, № 2. Л., 1930. С. 465–549; *Винокур Г.О.* Баратынский и символисты // К 200-летию Боратынского: Сб. материалов международной научной конференции, состоявшейся 21–23 февраля 2000 г. (Москва — Мураново). М., 2002. С. 28–49.

² Помимо опубликованных разборов в книге «Ритм как диалектика и “Медный всадник” Пушкина» (*Белый А.* Собрание сочинений. Т. XIV: Ритм как диалектика и «Медный всадник»: Исследование / Сост., послесл. и коммент. Д. Торшилова. М., 2014) ср. неопубликованные: РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 84–170 (стихотворения Блока, Брюсова, Боратынского, Пушкина, Тютчева); Там же. Ед. хр. 93 (Боратынский); РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 1–19, 21 и след. (Блок, Тютчев, Пушкин, Языков, С.Д. Спасский).

³ Письмо к А.Н. Гиппиус, цит. по: *Лавров А.В.* «Чаю и чую». Личность и поэзия Ивана Коневского // Коневской И. Стихотворения и поэмы. СПб.; М., 2008. С. 48.

Умение всю силу своих впечатлений сосредоточить на данном мгновении, воспринять его до конца и живым сохранить в тайнике памяти — вот редкая способность, которую должен выработать или развить в себе поэт. Умение всегда быть наблюдателем, двойником-художником своей души, умение созерцать самого себя в самые слабые и в самые мучительные часы жизни — вот жестокий подвиг, который должен возложить на себя поэт⁴.

Поэт-декадент и символист, понятый таким образом, не только в последний период развития русского символизма, но всегда выполняет ту задачу «автометаописания», о которой говорила З.Г. Минц и на которой она строила периодизацию этого литературного направления⁵.

То, что путь лирического поэта есть *эксперимент в области метафизики*, особенно ясно в простых и лаконичных теоретических суждениях другого московского символиста, Ю. Балтрушайтиса: характеризуя путь Бальмонта-лирика⁶ или свой собственный⁷ как строящееся из этапов целое, Балтрушайтис описывает их как череду ответов на метафизический⁸ вопрос о соотношении «я» и «не-я», личности и мира: «В первых книгах Бальмонта его творчество проникнуто, главным образом, сознанием и чувством непоправимой отдельности человека от мира, одиночеством и тоскою изгнания»⁹; «растворение человека в мире, отождествление человека с миром, является всепроникающим знаком второго душевного уровня в поэзии Бальмонта»¹⁰ и т. д. Для себя Балтрушайтис описал другие, более подробные периоды (их 7, а не 3), они сохранились в пересказе Вячеслава Иванова¹¹. Вопрос, на который они отвечают, тот

⁴ Брюсов В. Предисловие // Львова Н. Старая сказка. М., 1913. С. 5–6.

⁵ Минц З.Г. Об эволюции русского символизма // Минц З.Г. Блок и русский символизм: Избранные труды в 3 кн. Кн. 3: Поэтика русского символизма. СПб., 2004. С. 184; Минц З.Г. К изучению периода кризиса символизма (1907–1910) // Там же. С. 216; Пустыгина Н.Г. К изучению эволюции русского символизма // Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А.А. Блока и русская культура XX века». Тарту, 1975. С. 143–147.

⁶ Балтрушайтис Ю. О внутреннем пути К. Бальмонта // Заветы. 1914. № 6. Отд. III. С. 62–68.

⁷ Иванов Вяч. Юргис Балтрушайтис как лирический поэт // Русская литература XX века / Под ред. С.А. Венгерова. Т. II. Ч. 2. М., 1917. С. 302 и след. Иванов ссылается на «самоистолкование поэта, доверенное ему дружбою»; «чрезвычайное идейное и стилистическое сходство его описания «семи забвений» с описанием Балтрушайтисом пути Бальмонта говорит в пользу того, что он на самом деле опирался на слова или записи самого Балтрушайтиса.

⁸ О «метафизичности» Балтрушайтиса: Дауэтите-Пакарене В. Метафизика поэзии Юргиса Балтрушайтиса // Балтрушайтис Ю. Ступени и тропа / Сост. Ю. Будрайтис. М., 2005. Кн. 3. С. 103–126.

⁹ Балтрушайтис Ю. О внутреннем пути К. Бальмонта... С. 64.

¹⁰ Там же. С. 65.

¹¹ Иванов Вяч. Юргис Балтрушайтис как лирический поэт // Русская литература XX века / Под ред. С.А. Венгерова. Т. II. Ч. 2. М., 1917. С. 302 и след.

же: как соотносится «я» с миром. Подытоживая описание пути поэта, Балтрушайтис говорит:

Всем своим долгим <...> творчеством он упорно решал и отчасти уже решил коренную и очередную задачу современной души, единственную задачу современного творчества, как она сказала в тяготеении всего искусства наших дней. <...> Как своими заблуждениями, так и своей творческой правдой Бальмонт лихорадочно служил только умножению этого опыта (внутреннего опыта всех людей — Д.Т.) <...>¹²

Это не просто философский путь самопознания: своей жизнью и творчеством поэт *решает очередную задачу современности* и вкладывает результаты в копилку общего *опыта человечества*, т.е. ставит познавательный эксперимент, а литература — его лаборатория для этого эксперимента в области философии жизни, или религиозной философии, или другой области, но вовсе не только в области формы, как впоследствии будут понимать формалисты. Смысл названия знаменитой статьи Белого «Лирика и эксперимент», с которой начинался его путь исследователя, не только в том, что к лирике будет применен метод экспериментальной науки, но и в том, что экспериментом в какой-то степени является она сама. Именно фиксация результатов в стихотворении, в слове делает лирическое переживание экспериментом.

Нетрудно показать, как связана эта особенность символистской поэтики, это обнаружение мысли в лирическом творчестве, с философией языка Потебни, о чем говорили и сами символисты, и их противники. О неизбежном присутствии мысли в самом зародыше слова как минимального поэтического произведения Потебня говорит: «Внутренняя форма слова есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль»¹³. Воплотившись и отразившись в звуке, ставшем от этого словом, мысль становится понятной, а слову придает соразмерность и выразительность произведения искусства. «Находя, что художественное произведение есть <...> средство развития мысли и самосознания, <...> мы заключаем, что и слово есть искусство, и именно поэзия», — цитирует Потебню Белый¹⁴. Лирика — это автобиографическое письмо как способ мышления,

¹² Там же. С. 67–68.

¹³ Потебня А.А. Мысль и язык. Киев, 1993. С. 74.

¹⁴ Белый А. Мысль и язык (Философия языка А.А. Потебни) // Логос: Ежегодник по философии культуры. Кн. II. М., 1910. С. 252–253. Самосознание — понятие, которое станет для Белого ключевым во второй половине его деятельности, — как видим, тоже присутствует уже у Потебни, и не обязательно видеть только его антропософскую генеалогию.

причем совсем не обязательно об автобиографических проблемах или даже совсем не о них.

Когда В. Шкловский в статье «Искусство как прием», нападает на формулировку «искусство — это мышление образами» и критикует теории Потебни, Белого и символистов за следование ей, желая поставить на место «образа» «прием»¹⁵, он как будто не замечает, что для его предшественников и противников ценность формулы вовсе не в «образах», но в «мышлении», которое, конечно, заключается вовсе не в буквальном смысле пересказанных мыслей, если таковые есть, но для Белого обычно и не в образах — о недостаточности образного он говорит неоднократно. Обычно на первое место в выявлении содержания стихотворения, заключенной в нем мысли, он ставит ритм, особенно после изобретения теории «ритмического жеста», т.е. анализа стихотворения по кривой, предложенной Димитрием Ремом (псевдоним А.А. Баранова)¹⁶ и показывающей изменения среднего уровня ритмического разнообразия, которое оказывается нетрудно соотнести с содержанием произведения.

Сформулировав для себя, что суть поэзии в ритме, Белый сразу стал сближать его именно с движением мысли, а не чего-либо другого: «слова и мысли в поэзии в ритме связаны; и коснувшись вопроса о слове, должны мы невольно коснуться вопроса о том, что есть мысль. Но мы видели: мысль — кипение ритмов <...>»¹⁷. В разборах конкретных стихотворений Белый исходит из того, что кривая ритма изображает движение не-словесной мысли, например: «таков чистый смысл. Он — живая динамика ритма; <...> И мысль, взятая в нем, — глубина, подстилающая обычную мысль»¹⁸, а в конце концов прямо называет ритмическую кривую «жестом мысли»¹⁹. Конечно, Белый настаивает на таком понимании мышления (шире логического), которое было в новинку в начале XX в. («мысль, взятая так, условие возможности существования мысли обычной; но она — подстилающая обычную мысль глубина: ее перспектива»²⁰). Философские корни такого понимания, конечно, не в Канте и неокантианстве, на изучение, а потом критику которых Белый потратил столько сил.

¹⁵ Шкловский В.Б. Гамбургский счет. М., 1990. С. 58 и след. (впервые: Сборники по теории поэтического языка. Вып. II. Пг., 1917. С. 3 и след.).

¹⁶ См., например: Белый А. Собрание сочинений. Т. XIV: Ритм как диалектика и «Медный всадник». С. 296.

¹⁷ Белый А. О ритмическом жесте // ОР РГБ. Ф. 25. Оп. 4. Ед. хр. 1. Л. 51. Ср.: «таков чистый смысл. Он — живая динамика ритма; <...> И мысль, взятая в нем, — глубина, подстилающая обычную мысль» (Белый А. Ритм и смысл / Публ. С.С. Гречишкина, А.В. Лаврова // Труды по знаковым системам. Т. 12: Структура и семиотика художественного текста. Тарту, 1981. С. 135).

¹⁸ Андрей Белый. О ритмическом жесте // ОР РГБ. Ф. 25. К. 4. Ед. хр. 1. Л. 58, 67–68.

¹⁹ Там же. Л. 58.

²⁰ Там же. Л. 46.

Отчасти они связаны с ранним знакомством Белого с Шопенгауэром²¹, а затем ложатся в русло философии жизни, феноменологии и других направлений мысли. В исследовательской литературе встречаются сближения Белого с Гуссерлем и Дильтеем²², с философией жизни, что возвращает нас в автобиографический контекст.

Процессы циклизации, которым подвергается в эту эпоху лирика²³, также говорят об интеллектуализации отношения к ней. В самом деле, если первичный декадентско-символистский культ «мгновения» как бы говорит о воинствующе-иррационалистской, антилогической и антисистемной позиции, то сложения переживаний-мгновений в «лирические циклы», переработка их в разделы книг, каковые сами должны восприниматься как архитектурное целое (а каждое частное — именно как часть этого целого) — процесс аналитический и конструктивный, процесс мышления, пусть и не логического.

Построенные таким образом книги лирики одного поэта затем выстраиваются в более сложное целое, как трехтомник Блока, — «трилогия вочеловеченья», как говорил сам Блок, или, по выражению Белого, «трагедия трезвости»²⁴, — или как берлинское издание стихотворений самого Белого, в предисловии к которому он и излагает тезисы о необходимости циклизации для понимания отдельно взятого стихотворения и о ступенчатом складывании лирики всей жизни, всего пути поэта (необязательно, однако, понятого хронологически) в единую «поэму»²⁵, своего рода новую эпопею. В этой книге Белый нарочно переработал всё свое лирическое творчество так, чтобы оно яснее выражало требуемое; с этой же целью он многократно перерабатывал старые стихи, что иногда воспринималось окружающими как мания.

²¹ О своей первой теоретической статье «Формы искусства» Белый писал: «В основу ее ложится эстетика Шопенгауэра» (*Белый А.* Символизм. М., 1910. С. 507).

²² *Cassedy S.* Mathematics, Relationalism, and the Rise of Modern Literary Aesthetics // *Journal of the History of Ideas*. Vol. 49. No. 1. Philadelphia, 1988. P. 109–132; *Deppermann M.* Belyj and Dilthey. Preliminary Notes on an Unknown Relationship // *Andrej Belyj Pro et Contra. Atti del I. Simposio Internazionale Andrej Belyj*. Milano, 1987. S. 61–73. Вообще работы Марии Депперманн особенно существенны для рассмотрения Белого как философа: *Deppermann M.* Andrej Belyjs ästhetische Theorie des schöpferischen Bewußtseins. Symbolisierung und Krise der Kultur um die Jahrhundertwende. München, 1982; *Deppermann M.* Andrej Belyj's Model of the Creative Process: *Pereživanie — Pererabotka — Preobraženie* // Андрей Белый. Мастер слова — искусство — мысли. Bergamo, 1991. S. 173–178.

²³ См., в частности: *Бройтман С.Н., Магомедова Д.М., Приходько И.С., Тамарченко Н.Д.* Жанр и жанровая система в русской литературе конца XIX — начала XX века // *Поэтика русской литературы конца XIX — начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы.* Проза. М., 2009. С. 45 и след.

²⁴ *Белый А.* О Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М., 1997. С. 454.

²⁵ *Белый А.* Стихотворения. Берлин, 1923. С. 3–9.

Нужно сказать, что и в ритмическом анализе Белый всегда видел задачей именно уяснение «мысли, подстилающей обычную мысль», а в перспективе — именно «вычисление» «ритмической кривой» всей жизни поэта, а вовсе не ту картину исторического развития размера, на которую он сразу наткнулся, которая была сразу признана читателями и остается с тех пор его общепризнанным вкладом в науку²⁶. Так было и в самом начале его литературоведческой деятельности, и в конце: уже в 1910 г., в своем «Кружке экспериментальной эстетики», все члены которого были увлечены анализом «морфологическим» и «историческим», а в области выводов не шли далее констатации характерности и нехарактерности той или иной ритмической вариации для того или иного поэта, Белый замечает о Боратынском: «3<-я> стопа, по мере падения других стоп, повышается. Если бы нам увидеть проявление всех этих особенностей у поэтов по годам, — мы нашли бы известную закономерность в соответствии ритма и возраста поэта»²⁷. Почти через 20 лет, опубликовав в «Ритме как диалектике» ритмический анализ пушкинского «Медного всадника», в 1929 г. Белый начинает заниматься ритмом «Кавказского пленника» и, сопоставив его с изученной ранее поэмой, аналогичным образом стремится вывести из ритмического анализа произведений разных лет «кривую судьбы» Пушкина²⁸. В «Мастерстве Гоголя» из формального анализа текстов Гоголя разного времени делаются выводы относительно его биографии и даже близкой и неизбежной смерти. Это особенно ясно в последних главках третьей части книги.

Задача, которую решает такое лирическое целое жизни, какое Белый строил не только для себя и Блока, но и для Пушкина, Гоголя, Боратынского, — столь же интеллектуальная, сколь и автобиографическая. Это личная судьба, прожитая в неподдельности даже необязательно осознаваемых чувств; но чувства, зафиксированные в стихах и рассортированные по циклам и книгам, понимаются как ответ на некую поставленную задачу, как тот ответ, который он смог дать, как *эксперимент* в области философии — хоть бы и *философии жизни*, — осуществляемый поэтом над самим собой и подобный тем экспериментам над собой, которые в то время считались честью для ученого-естественника (ср.: «умение всегда быть наблюдателем, двойником <...> своей души <...> — вот жестокий подвиг, который должен возложить на себя поэт»²⁹).

²⁶ Например: ««Из “Символизма” выросло всё сегодняшнее русское стиховедение» (*Гаспаров М.Л.* Белый-стиховед и Белый-стихотворец // Андрей Белый. Проблемы творчества. М., 1988. С. 460).

²⁷ См.: Протоколы заседаний Кружка экспериментальной эстетики при «Муссагете» («Ритмического кружка») // *Белый А.* Собрание сочинений. Т. XIV: Ритм как диалектика и «Медный всадник». С. 232.

²⁸ См.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. ст., коммент. А.В. Лаврова и Дж. Малмстада; подгот. текста Т.В. Павловой, А.В. Лаврова, Дж. Малмстада. СПб., 1998. С. 645.

²⁹ *Брюсов В.* Предисловие // Львова Н. Старая сказка. С. 5–6.

Именно с тем, что целью исследований ритма для Белого была интерпретация стихотворения, а затем лирического автобиографического целого, связаны и изменения методики исследований, с которой не согласились или к которой остались равнодушными даже его ученики, — переход к анализу по кривой, предложенной Барановым-Ремом, к теории ритмического жеста. Ритмическая кривая показывает ту мысль, которая является настоящим содержанием стихотворения, но она должна быть возможна и для более крупных лирических циклов, вплоть до целого лирической автобиографии.

Белый построил и тщательную «ритмическую кривую» собственной жизни, экспонируемую ныне в его музее-квартире³⁰; как подготовительные материалы к ней можно рассматривать многие его труды — как тома воспоминаний, так и «Материал биографический, интимный», «Жизнь без Аси», «Ракурс к дневнику»³¹ и др. Во многих из этих «подготовительных материалов» удивляет их *табличная форма*; последние два оформлены не как связный текст, но как таблицы, где по графам расчерчены времена, места и события («Ракурс к дневнику» из-за этого и в силу солидного объема очень напоминает бухгалтерскую книгу), — как будто уже в 1917 г., составляя, а точнее, чертя листик «Жизни без Аси», Белый пытался вывести некую математическую закономерность непрерывных и хаотических переездов, встреч, лекций и занятий. Они составлены таким же табличным способом, как подготовительные расчеты для кривой Рема. Но для ее построения у Белого не было точного метода, и она построена, так сказать, на глазок (как написано на ней самой, по непосредственному ощущению жизненной энергии).

Белый на удивление редко анализировал собственным методом свои стихи, что противоречит многим отзывам современников о его эгоцентризме (ср. например отзыв Ф. Степуна³²). Среди его бумаг во множестве находятся разборы Пушкина, Тютчева, Борогынского, иногда Брюсова, нередко Блока, в том числе не вошедшие в опубликованные работы³³.

³⁰ Оpubл.: *Белый А.* Линия жизни / Сост. М.Л. Спивак, И.Б. Делекторская, Е.В. Наседкина. М., 2010. Ее вариации с комментариями: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 481 и след.

³¹ См.: Литературное наследство. Т. 105: Андрей Белый. Автобиографические своды. Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А.В. Лавров и Дж. Малмстад; подгот. текста А.В. Лаврова, Дж. Малмстада, Т.В. Павловой, М.Л. Спивак; статьи и коммент. А.В. Лаврова, Дж. Малмстада, М.Л. Спивак. М., 2016.

³² «В сущности, Белый всю свою творческую жизнь прожил в сосредоточении на своем “я” и только и делал, что описывал “панорамы сознания”. Все люди, о которых он писал, и прежде всего те, против которых он писал, были в конце концов лишь панорамными фигурами в панорамах его сознания <...> свое собственное монадологически в себе самом замкнутое “я”» (*Стенун Ф.А.* Памяти Андрея Белого // Воспоминания об Андрее Белом / Сост. В.М. Пискунова. М., 1995. С. 171–172).

³³ См. выше примеч. 2.

Исключением является сравнительная статистика форм ямба у Блока и у себя, причем именно хронологическая, построенная по периодам, как того требует теория ритмической кривой целого лирической автобиографии; в таком виде Белый мог принять интерес к проблеме эволюции размера самого по себе, которую остальные сочли фокусом его исследований и открытием; мог принять в виде проблемы эволюции размера в творческом пути близких и влиявших друг на друга индивидуальностей. Это обширный документ, датируемый 1924 г. и полностью сохранившийся, но неопубликованный и не изучавшийся³⁴. Говорить о нем сложно, потому что он не содержит совершенно никаких интерпретаций. Расчеты доведены до конца и приведены в порядок, построены и старательно нарисованы итоговые диаграммы по периодам, но весь этот комплекс документов содержит только цифры или максимально сухие описания их соотношения (того-то больше, того-то меньше). Сам Белый, как показывает сравнение опубликованных и неопубликованных разборов, готовыми к публикации считал подсчеты, доведенные до развернутой интерпретации, а вовсе не законченные сами по себе.

Сохранилось около трех десятков построенных кривых собственных стихотворений³⁵. Все они сделаны по берлинскому изданию 1923 г., что оговорено автором (с указанием страниц книги), и лишены всяких пояснений, даже начатков интерпретации (а знакомому с методом «ритмического жеста» ясно, что ценность кривой именно в интерпретации, в соотношении уровня ритмического разнообразия со смыслом).

Наконец, отдельно от них хранятся (по-видимому, отдельно и делались) два отчасти комментированных (сделаны первые шаги интерпретации) разбора Белым собственных стихотворений³⁶. Датировка их точно неизвестна. Это два стихотворения, или, точнее, две сюиты, два лирических миницикла из «Золота в лазури» — «Возврат» и «Старинный друг» (посвященный Э.К. Метнеру)³⁷. Анализируется не текст «Золота в лазури», но, как и в остальных случаях, версии, являющиеся результатом переработки для берлинского собрания стихотворений 1923 г.³⁸,

³⁴ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 51. Авторский «титულный лист»: «Морфология ямба Блока и Белого (статистика, опись форм). 9378 строк.

⟨1⟩ Блок по трехтомнику “Эпохи” 5793 строки

⟨2⟩ Белый 3585 строк от “Золота в лазури” до “Первого свидания”. 3585 строк

3) статистический лист ямбических особенностей Белого и Блока

4) ряд кривых и фигур⟨,⟩ выражающих материал статистики, а также сравнительные диаграммы употребления тех или иных ходов у Блока и Белого (в 4ом ямбе)» (л. 2).

³⁵ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 153–170; Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 1–19.

³⁶ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 166.

³⁷ *Белый А.* Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. А.В. Лаврова и Дж. Мальмстада. Т. 1. СПб.; М., 2006. С. 137–142.

³⁸ *Белый А.* Собрание стихотворений. Берлин, 1923. С. 60–63, 74–77.

что ясно по количеству частей и строф (текст при кривых не написан). Таким образом, 1923 г. для них — *terminus post quem*, они не могли быть сделаны раньше. Заманчиво было бы, конечно, считать, что они сделаны в процессе переработки стихов для берлинского собрания, в прямом соответствии с тем, что Белый ответил однажды Иванову-Разумнику: «я меняю свои стихи именно в связи с концепцией ритмического жеста» (т.е. говоря технически — чтобы изменилась кривая)³⁹. Но, во-первых, если он в самом деле работал так, то кривых собственных стихов должны быть сотни, а их нет; во-вторых, известно, что бумаги берлинского периода, к сожалению, почти не сохранились, они остались в Берлине⁴⁰ и в архивах Белого не обнаруживаются. По-видимому, эти расчеты сделаны в Москве в середине 1920-х, потому что в конце 1920-х — начале 1930-х гг. оба стихотворения снова были сильно переделаны Белым для «Зовов времен»⁴¹ («Старинный друг» вообще переведен из пятистопного ямба в чередование двух- и трехстопного).

Обе кривые дают не какой-то яркий, наглядный график, который было бы легко интерпретировать, но осциллирующую линию. На кривой «Возврата» (рис. 1) отмечены яркие места, которыми Белый пытался объяснить для себя ее ход, но дальнейшей интерпретационной работы не видно.

Вторая кривая, разбор «Старинного друга» (рис. 2), еще сложнее и запутанней, но интересней.

Рядом с графиком «Старинного друга» приписан разбор:

анализ линии

в 1ой отрывке

антиномия свободы и необходимости, радости и смерти, Христа и гнома (3,5 — 3,5): рядом

2ой — 3,9 На древнем склепе старинные, старинные лазури ликуют сном былых великолепий

3^{ей} 3,8 Ташут нам два гроба. И тот же гном вскричал под катафалком: «смерть — победила это нам — два гроба»

4ой 3,5 И тот же гном трубит в пустые кости

5ой 3,8 гроб распахнулся (я — воскрес)

3,4 Иисус Христос

Антиномия между смертью и воскресением моим выше 3

Пещера и провал 1ый 1,4 2

³⁹ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 656.

⁴⁰ Н.Н. Берберова вспоминала, что после отъезда Белого им с В.Ф. Ходасевичем домохозяйка «принесла ворох бумаг, найденный ею в столе “герр профессора”»: он забыл их, уезжая» (Берберова Н.Н. Из книги «Курсив мой» // Воспоминания об Андрее Белом / Сост. В.М. Пискунова. М., 1995. С. 338).

⁴¹ Белый А. Стихотворения и поэмы. Т. II. С. 249–252, 256–258.

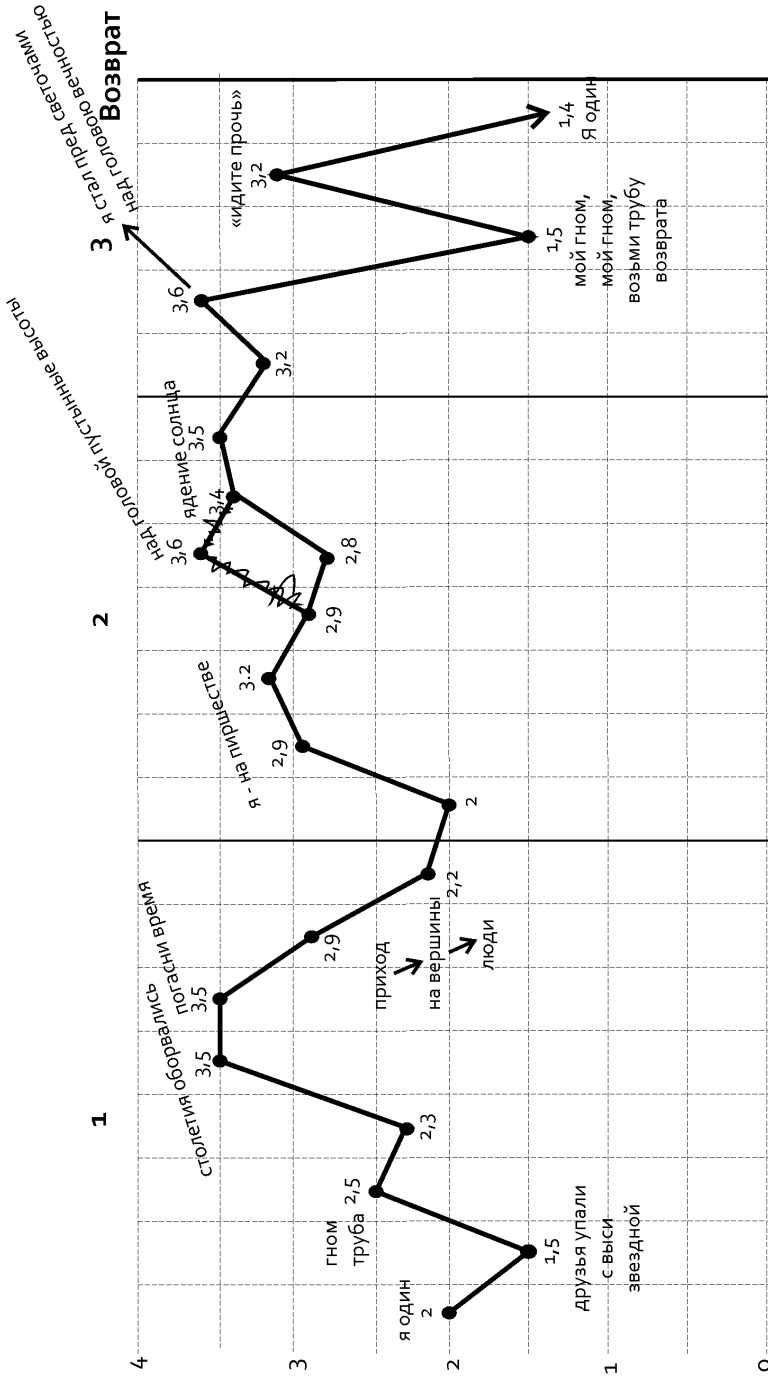

Рис. 1

В комментарии справа Белый собирает вместе пики кривой, места наибольшего ритмического разнообразия; все они оказываются, по его выражению, «антиномиями», что закономерно, поскольку места наибольшего ритмического разнообразия — это места наибольшей неоднородности, неуравновешенности, наибольшего напряжения, и это тоже закономерно. Еще любопытней пометки, которые он сделал внизу, под графиком: он отмечает строфы, лежащие примерно посередине общей ритмической высоты стихотворения, и всё это, оказывается, «тема воскресения».

Дело в том, что на протяжении 1920-х гг. метод Белого изменился: если в работах революционных лет и начала 1920-х гг. это в самом деле метод поиска ритмического, наглядного жеста (подъема, падения, перелома) кривой стихотворения, то в книге «Ритм как диалектика», над которой Белый работал в 1927 г., и в анализе «Кавказского пленника» 1929 г.⁴² главным инструментом анализа часто оказывается не жест кривой, а то, что Белый называет «средней линией»⁴³: поиск строф, лежащих на средней высоте стихотворения и оказывающихся ключевыми для интерпретации. Эксплицитно переход к анализу по «средней линии» Белым заявлен не был, и мы не знаем точно, когда к нему пришла эта идея. Поскольку в графике «Старинного друга» сама средняя линия еще не начерчена (позже Белый ее чертил), но неожиданно успешный и не ожидавшийся заранее момент интерпретации связан именно с ней, мы предполагаем, что перед нами один из следов того, как Белому пришла в голову идея искать именно ось графика, а не вершины и падения.

⁴² РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 1–24; характеристика Белого: «полная (3^а) редакция счетов». Вторая редакция — видимо, материалы из: РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 53; они больше всего похожи на законченную работу (кроме расчетов и кривых выделены темы, сгруппированы отрывки по темам относительно «средней линии»). Черновая первая редакция: РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 1–19. Ср. об этом анализе (кроме упомянутого в примеч. 25 письма Иванову-Разумнику): *Бугаева (Васильева) К.Н.* Дневник 1929 года / Предисл. Е.В. Наседкиной, подгот. текста и примеч. Е.В. Наседкиной и Е.Н. Щелоковой // Лица: Биографический альманах. 9. СПб., 2002. С. 182–207.

⁴³ О переходе к «средней линии» см. подробнее: *Белый А.* Собрание сочинений. Т. XIV: Ритм как диалектика и «Медный всадник». С. 314–316.

Литература

Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. ст., коммент. А.В. Лаврова и Дж. Малмстада; подгот. текста Т.В. Павловой, А.В. Лаврова, Дж. Малмстада. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. 736 с.

Белый А. Линия жизни / Сост. М.Л. Спивак, И.Б. Делекторская, Е.В. Наседкина. М.: Гос. музей А.С. Пушкина, 2010. 272 с.

Белый А. О Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи / Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М.: Автограф, 1997. 607 с.

Белый А. Собрание сочинений. Т. XIV: Ритм как диалектика и «Медный всадник»: Исследование / Сост., послесл. и коммент. Д. Торшилова. М.: Дмитрий Сечин, 2014. 528 с.

Белый А. Стихотворения и поэмы: В 2-х т. / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. А.В. Лаврова и Дж. Малмстада. СПб.: Академический проект; М.: Прогресс-Плеяда, 2006. 638, 653 с.

Берберова Н.Н. Из книги «Курсив мой» // Воспоминания об Андрее Белом / Сост. В.М. Пискунова. М.: Республика, 1995. С. 321–345.

Бройтман С.Н., Магомедова Д.М., Приходько И.С., Тамарченко Н.Д. Жанр и жаровая система в русской литературе конца XIX — начала XX века // Поэтика русской литературы конца XIX — начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 15–50.

Бугаева (Васильева) К.Н. Дневник 1929 года / Предисл. Е.В. Наседкиной, подгот. текста и примеч. Е.В. Наседкиной и Е.Н. Щелоковой // Лица: Биографический альманах. 9. СПб.: Феникс, 2002. С. 155–221.

Винокур Г.О. Боратынский и символисты // К 200-летию Боратынского: Сб. материалов международной научной конференции, состоявшейся 21–23 февраля 2000 г. (Москва — Мураново). М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 28–49.

Гаспаров М.Л. Белый-стихoved и Белый-стихотворец // Андрей Белый. Проблемы творчества: Статьи. Воспоминания. Публикации. М.: Советский писатель, 1988. С. 444–460.

Дауэтите–Пакарене В. Метафизика поэзии Юргиса Балтрушайтиса // Балтрушайтис Ю. Ступени и тропа / Сост. Ю. Будрайтис. Кн. 3. М.: Новое издательство, 2005. С. 103–126.

Лавров А.В. «Чаю и чую». Личность и поэзия Ивана Коневского // Коневской И. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. А.В. Лаврова. СПб.: ДНК; М.: Прогресс-Плеяда, 2008. С. 5–66.

Литературное наследство. Т. 105: Андрей Белый. Автобиографические своды. Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А.В. Лавров, Дж. Малмстад; науч. ред. М.Л. Спивак. М.: Наука, 2016. 1120 с.

Мицк З.Г. Блок и русский символизм: Избранные труды в 3 кн. Кн. 3: Поэтика русского символизма. СПб.: Искусство-СПб, 2004. 478 с.

Пустьгина Н.Г. К изучению эволюции русского символизма // Тезисы I Все-союзной (III) конференции «Творчество А.А. Блока и русская культура XX века». Тарту, 1975. С. 143–147.

Cassedy S. Mathematics, Relationalism, and the Rise of Modern Literary Aesthetics // Journal of the History of Ideas. Philadelphia, 1988. Vol. 49. No. 1. P. 109–132.

Deppermann M. Andrej Belyjs ästhetische Theorie des schöpferischen Bewußtseins. Symbolisierung und Krise der Kultur um die Jahrhundertwende. München, 1982.

Deppermann M. Andrej Belyj's Model of the Creative Process: Pereživanie — Pererabotka — Preobraženie // Андрей Белый. Мастер слова — искусства — мысли. Bergamo, 1991. S. 173–178.

Deppermann M. Belyj and Dilthey. Preliminary Notes on an Unknown Relationship // Andrej Belyj Pro et Contra. Atti del I. Simposio Internazionale Andrej Belyj. Milano, 1987. S. 61–73.

References

Andrei Belyi i Ivanov-Razumnik. Perepiska [Andrei Bely and Ivanov-Razumnik. Correspondence], publ., intro., comment. by A.V. Lavrov and J. Malmstad, ed. by T.V. Pavlova, A.V. Lavrov, J. Malmstad. St. Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 1998. 736 p. (In Russ.)

Belyi A. Liniia zhizni [The line of life], comp. by M.L. Spivak, I.B. Delektorskaia, E.V. Nasedkina. Moscow, Pushkin State Museum Publ., 2010. 272 p. (In Russ.)

Belyi A. O Bloke: Vospominaniia. Stat'i. Dnevniki. Rechi [About Block: Memoirs. Articles. Diaries. Speeches], intro., comp., ed. and comment. by A.V. Lavrov. Moscow, Avtograf Publ., 1997. 607 p. (In Russ.)

Belyi A. Sobranie sochinenii. T. XIV: Ritm kak dialektika i “Mednyi vsadnik” [Collected works. Vol. XIV: Rhythm as dialectics and “The Bronze Horseman”], comp., afterword and comment. by D. Torshilov. Moscow, Dmitrii Sechin Publ., 2014. 528 p. (In Russ.)

Belyi A. Stihotvoreniia i poemy: V 2-kh t. [Lyrics and poems: In 2 vols.], intro., comp., ed. and notes by A.V. Lavrov and J. Malmstad. St. Petersburg, Moscow, Akademicheskii proekt Publ., Progress-Pleiada Publ., 2006. 638, 653 p. (In Russ.)

Berberova N.N. Iz knigi “Kursiv moi” [From the book “The Italics are Mine”]. Vospominaniia ob Andree Belom [Memoirs of Andrei Bely], comp. by V.M. Piskunov. Moscow, respublika Publ., 1995, pp. 321–345. (In Russ.)

Broitman S.N., Magomedova D.M., Prihod'ko I.S., Tamarchenko N.D. Zhanr i zhanrovaia sistema v russkoi literature kontsa XIX — nachala XX veka [Genre and genre system in Russian literature of the late 19th — early 20th century]. Poetika russkoi literatury kontsa XIX — nachala XX veka. Dinamika zhanra. Obshchie problemy. Proza [Poetics of Russian literature of the late 19th — early 20th century. Dynamics of the genre. Common Problems. Prose]. Moscow, Institute of World Literature Publ., 2009, pp. 15–50. (In Russ.)

Bugaeva (Vasil'eva) K.N. Dnevnik 1929 goda [Diary of 1929], intro. by E.V. Nasedkina, ed. and notes by E.V. Nasedkina and E.N. Shchelokova. Litsa: Biograficheskii al'manakh. 9 [Faces: Biographical almanac. 9]. St. Petersburg, Feniks Publ., 2002, pp. 155–221. (In Russ.)

Cassedy S. Mathematics, Relationalism, and the Rise of Modern Literary Aesthetics. *Journal of the History of Ideas*, Philadelphia, 1988, vol. 49, no. 1, pp. 109–132.

Dauitote-Pakiarene V. Metafizika poezii Iurgisa Baltrushaitisa [Metaphysics of Jurgis Baltrušaitis' poetry]. Baltrushaitis Iu. *Siupeni i tropa* [Steps and Trail], comp. by J. Budraitis. Vol. 3. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2005, pp. 103–126. (In Russ.)

Deppermann M. *Andrej Belyjs ästhetische Theorie des schöpferischen Bewußtseins. Symbolisierung und Krise der Kultur um die Jahrhundertwende*. München, 1982.

Deppermann M. Andrej Belyj's Model of the Creative Process: Pereživanje — Pererabotka — Preobrazenie. *Andrej Belyi. Master slova — iskusstva — mysli* [Andrej Bely. Master of the word — art — thoughts]. Bergamo, 1991, s. 173–178.

Deppermann M. Belyj and Dilthey. Preliminary Notes on an Unknown Relationship. *Andrej Belyj Pro et Contra. Atti del I. Simposio Internazionale Andrej Belyj*. Milano, 1987, pp. 61–73.

Gasparov M.L. Belyi-stikhoved i Belyi-stikhotvorets [Bely as a poetry scholar and Bely as a poet]. *Andrej Belyi. Problemy tvorčestva: Stat'i. Vospominaniia. Publikatsii* [Andrej Bely. Creative Issues: Articles. Memoirs. Publications]. Moscow, Sovetskii Pisatel' Publ., 1988, pp. 444–460. (In Russ.)

Lavrov A.V. “Chaiu i chuiiu”. Lichnost' i poezii Ivana Konevskogo [“I hope and I feel”. Ivan Konevskoi's personality and poetry]. Konevskoi I. *Stihotvoreniia i poemy* [Lyrics and poems], intro., comp., ed. and notes by A.V. Lavrov. St. Petersburg, DNK Publ., Moscow, Progress-Pleiada Publ., 2008, pp. 5–66. (In Russ.)

Literaturnoe nasledstvo. T. 105: Andrej Belyi. Avtobiograficheskie svody: Material k biografii. Rakurs k dnevniku. Registratsionnye zapisi. Dnevniki 1930-kh godov [Literary heritage. Vol. 105: Andrej Bely. Autobiographical codes. Biography material. An aspect for the diary. Registration records. 1930s diaries], comp. by A.V. Lavrov, J. Malmstad, ed. by M.L. Spivak. Moscow, Nauka Publ., 2016. 1120 p. (In Russ.)

Mints Z.G. *Blok i russkii simvolizm: Izbrannye trudy v 3 kn. Kn. 3: Poetika russkogo simvolizma* [Blok and Russian Symbolism: Selected works in 3 books. Book 3: Poetics of Russian Symbolism]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2004. 478 p. (In Russ.)

Pustygina N.G. K izucheniiu evoliutsii russkogo simvolizma [On the study of the evolution of Russian Symbolism]. *Tezisy I Vsesoiuznoi (III) konferentsii “Tvorčestvo A.A. Bloka i russskaia kul'tura XX veka”* [Proc. I All-Union (III) Conf. “A.A. Blok's works and Russian culture of the 20th century”]. Tartu, 1975, pp. 143–147. (In Russ.)

Vinokur G.O. Boratynskii i simvolisty [Boratynsky and the Symbolists]. *K 200-letiiu Boratynskogo: Sb. materialov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, sostoiavsheisia 21–23 fevralia 2000 g. (Moskva — Muranovo)* [To the 200th anniversary of Boratynsky: Proc. Int. Sci. Conf., February 21–23, 2000 (Moscow — Muranovo)]. Moscow, Institute of World Literature Publ., 2002, pp. 28–49. (In Russ.)

**Lyrical autobiography:
Andrei Bely's analysis of his poems
by means of the Baranov-Rem curve**

© 2018, Dmitry Torshilov

Abstract: Lyrics of Russian Symbolism initially has a reflexive nature, which consists not only in the prevalence of philosophical lyricism and in the choice of predecessors, but also in understanding poetic feeling as a kind of cognitive experience, as well as in the process of specific sorting and cyclization, and then combining cycles into the whole of reflexive lyric autobiography. Exploring the lyrics as a form of thinking, Andrei Bely comes to his concept of “rhythmic gesture” and to the practice of calculating the “rhythmic curve”, which he builds not only for individual works, but also for whole lyric biographies, including his own. Nevertheless, the rhythmic curves of his own poems, made by Bely, were not previously published. Perhaps it was during the analysis of his own poems that Bely in the mid-1920s stumbled upon its future analytical method — the “middle line” method.

Keywords: Russian Symbolism, meditative lyrics, rhythemics, Andrei Bely, Baranov-Rem curve.

Information about the author: Dmitry Torshilov, Candidate of Philology, Russian State University for the Humanities, RAS Institute of Linguistics, Moscow, Russia. E-mail: dmitry.torshilov@gmail.com

Citation: Torshilov Dmitry. Lyrical autobiography: Andrei Bely's analysis of his poems by means of the Baranov-Rem curve. *Literary fact*, 2018, no. 10, pp. 236–252.